Главная тема писателя

Роман «Корни и крона»* — четвертый на «лицевом счету» Вадима Кожевникова. Как и первые три — «Заре навстречу», «Щит и меч» и «В полдень на солнечной стороне», — роман органично развивает ведущую для творчества писателя героическую тему в ее ратном и трудовом вариантах и подтверждает своей композицией сами принципы построения крупных произведений, выработанные художником с талантом новеллиста. В том, что именно такова природа его дарования, убеждают не только многие его рассказы, принесшие известность писателю уже в 30-е годы, и рассказ военных лет «Март — апрель», но и то обстоятельство, что в каждом его романе немало вставных новелл, исповедей героев. И вместе с тем в каждом из них всегда есть сцена, своеобразный нервный узел, в которой сосредоточена исторически емкая протяженность жизни, сжатая до мгновения и спроецированная на все, чем движимы герои произведения. Не исключение и новый роман, где подобная сцена отнесена к финалу.

По аллее из молодых деревьев, посаженных вдоль тротуара у новых жилых домов, идут давнишние друзья — глава рабочей династии Должиковых Семен Фомич и мастер Михеев. И заходит у них разговор, в котором вспыхивает живая память истории, прожитой вместе с заводчанами, с народом в годы революции, войны гражданской и Великой Отечественной, послевоенных лет. Глядя на красивый жилой массив, Михеев обращается к Должикову:

«— А чего тут было, помнишь? — спросил Платон Иванович.

— Ну, чего, пустырь, свалка.

— А после?

— Окопы рыли, когда против беляков воевали.

— Ну, а еще?

— Противотанковый ров копали, да мелковатым оказался, бутылками с горючей жидкостью из него в фашистские машины швыряли...».

Так выстраиваются своими жесткими «вехами» жизненный путь многих героев романа и прежде всего семьи Семена Фомича, да и его самого, органично проступает трагическая память войны, героизм

советского рабочего класса в годину испытаний огнем, высвечивается подвиг тыла и фронта, на котором оказались сыновья Семена Фомича — Дмитрий, Егор и Геннадий, его племянник Марат Должиков, прошедшие тяжкий солдатский путь к Победе и вернувшиеся после нее в родной заводской коллектив. Работают они здесь и поныне. И для них завод — родной дом, школа жизни и университет государственного отношения к своим производственным обязанностям.

И все это прежде всего называется, выговаривается самими героями и автором, что было и остается основным приемом ведения повествования у Вадима Кожевникова — писателя, органично публицистического, живущего в сфере прямого и откровенного слова, обращенного к современнику. Конечно же, в публицистичности есть свои плюсы и несомненные потери для образительного ряда. Но ряд этот не исчезает из романного мира. Быт, нравы, обычаи заводчан, вопросы их жизни не только выговариваются, но и изображаются, выявляются и угадываются во многих сценах, посвященных самим процессам перестройки производства на принципах научной организации труда. Может, потому-то и удается писателю на примере одного завода убедить нас в серьезности и необходимости выхода нашей промышленности на принципиально новые рубежи развития, что все сугубо технические проблемы сумел перевести в разряд социальных и нравственных, в решении которых и проявляют себя многие персонажи романа.

Наряду с Должиковыми не менее колоритными предстают на страницах романа мастера-умельцы Горохов, Фомин, Самохин, душа которых «припаяна к делу», но отнюдь не ограничена пределами «дела». Им, как и положено настоящему советскому рабочему, не чужды интересы заводского коллектива в целом, судьбы товарищей по цеху. Это рядом с ними становятся за «крыло» молодые — Костя Должиков, Нелли, Октябрина и другие, не повторяя их, иногда даже выступая против их устоявшихся привычек, отстаивая свое мнение в споре с отцами, но всегда уважая их, благодарно перенимая их опыт. Все это приводит к тому естественному росту в молодых рабочих людей интеллек-

та и государственности мышления, каким мы гордимся как завоеванием нашего советского образа жизни.

Символичным в этом плане представляется разговор директора завода и партorgа с представителями комиссии из главка, выводы которой о целесообразности заказа для завода коллектив предприятия посчитал необоснованными и потому неверными. Руководство завода предлагает вынести спорный вопрос на заводское партийное собрание. В ответ на возмущенное возражение представителей главка, что они должны доверять своим выводам, а не мнению зала, директор Анатолий Кузьмич Иванов резонно замечает, что тот самый «зал», к мнению которого не хотят прислушаться представители главка, не простой. В нем соберутся прекрасные мастера своего дела, члены горкома, райкома и парткома, народные депутаты, умудренные опытом живой истории и выдвинутые заводским коллективом в число именитых людей, с мнением которых нельзя не считаться.

По-прежнему культ героя Вадима Кожевникова остается труд. Отношением к нему, мастерством в деле меряется и сам человек, его достоинство и значимость. Тем самым труд в произведениях писателя всегда понятие нравственное. Он накладывает отпечаток на всю жизнь героев, на их взгляды, на отношение к товарищам, друзьям, любимым. Вот откуда в рассказах писателя, в его повестях и романах торжество раздумий, размышлений, исповедей, составляющих своеобразную поэзию мысли.

Наконец, символично название романа. В нем не только понимание современности как результата истории, непобедимости нашего строя, рожденного в недрах самой народной жизни, но и самого постижения существа творческого начала в труде как за станком в цехе, так и за писательским столом. Кооны без корней не бывает. Она и начинается в корнях. Не бывает и заметно художественного произведения без знания корневых процессов жизни общества и без богатого опыта освоения темы, какой для Вадима Кожевникова была и остается героическая тема труда рабочего класса страны.

Бор. ЛЕОНОВ.

* Вадим Кожевников. Корни и крона. Роман. Журнал «Знамя». №№ 9, 10, 1981. № 1, 2, 1982.